

кажется в своем диаметре шириною в один фут, а это совершенная ложь: согласно открытию, сделанному человеческим разумом наряду с другими исследованиями, диаметр солнечного тела в пять с половиной раз больше диаметра Земли; следовательно, если Земля имеет в диаметре шесть тысяч пятьсот миль, то диаметр Солнца, равный на глаз одному футу, должен иметь тридцать пять тысяч семьсот пятьдесят миль. Отсюда явствует, что Аристотель имел в виду не внешнюю сторону вопроса; а потому, если я собираюсь опровергать только поверхностное суждение, я не противоречу намерению Философа и, следовательно, не нарушаю той почтительности, которую ему следует оказывать. А то, что я собираюсь опровергать именно суждение поверхностное, очевидно. Ведь те, кто так судят, делают это только на основании того, что они ощущают в тех вещах, которые судьба может дать и отнять; в самом деле, видя, как завязываются родственные узы и заключаются высокие браки, как создаются дивные постройки, большие состояния, обширные владения, они думают, будто все это и есть причины благородства. А если бы они судили на основании восприятия разумного, они говорили бы обратное, а именно что благородство есть причина всего этого, как будет показано ниже, в этом же трактате.

И подобно тому как я – в чем нетрудно убедиться, – осуждая это мнение, не говорю ничего, что могло бы умалить почтение к философу, точно так же как и почтение к империи, что я и докажу. Однако, так как ритор, рассуждая в присутствии противников, должен быть весьма осмотрительным в своей речи, чтобы противник не извлек из нее поводов для извращения истины, я, выступающий в этом трактате перед лицом стольких противников, не могу говорить кратко; поэтому пусть никто не удивляется, если отступления мои будут пространными. Итак, я утверждаю, что для того, чтобы показать, что я не непочтителен к величии империи, следует прежде всего рассмотреть, что такое «почтительность». Я говорю, что почтительность не что иное, как явно выраженное должное подчинение. Убедившись в этом, следует провести различие между «непочтительным» и «не почтительным». Непочтительность говорит об отсутствии почтения, не почтительность – о нежелании почитать. А потому я говорю, что непочтительность есть явно выраженное непризнание должного подчинения, а не почтительность есть отрицание должного подчинения. Существуют два пути неприятия: с одной стороны, человек не приемлет что-либо, греша против истины, когда он отказывается от должного признания, и это, собственно, и есть «непризнание»; с другой стороны, он не приемлет что-то, не греша против истины, когда он не говорит о том, чего нет, и это, собственно, и есть «отрицание». Так, если человек вообще не признает, что он смертен, то это, собственно говоря, и есть отрицание. Поэтому, если я отрицаю почтение к империи, я не непочтителен, но не почтителен: ведь это не направлено против почтительности, так как это ее не умаляет; подобно тому как «не жизнь» не умаляет жизни, но жизнь умаляет смерть, которая есть лишение жизни. Посему одно дело смерть, а другое «не жизнь»; ведь в камнях нет жизни. А так как смерть говорит о лишении, которое может быть в субъекте обладания, а камни не есть субъекты жизни, поэтому их следует называть не «мертвыми», а «не живыми»; равным образом и я, который в данном случае не обязан быть почтительным к империи, раз я отрекаюсь от этой почтительности, не непочтителен, а не почтителен, и это не дерзость и не нечто предосудительное. Но дерзостью было бы быть почтительным (если только это можно называть почтительностью), так как это значило бы впасть в большую и настоящую непочтительность, то есть в непочтительность к природе и к истине, как мы это увидим ниже. От этой ошибки уберег себя Аристотель, этот наставник всех философов, когда он в начале «Этики» говорит: «Если есть два друга и один из них истина, то надо соглашаться с истиной». Действительно, поскольку я сказал, что я непочтителен, и это значит отрицать почтительность, то есть явно отрицать должное подчинение, остается убедиться в том, что это есть отрицание, а не признание, то есть остается убедиться в том, что я в данном случае не нахожусь в должном подчинении у императорской власти. А так как рассуждение это должно быть пространным, я тут же намереваюсь показать это в особой главе.

IX.

Для рассмотрения того, почему я в данном случае, а именно тогда, когда я отвергаю или одобряю мнение императора, не обязан ему подчиняться, необходимо вспомнить то, что говорилось выше в четвертой главе настоящего трактата об обязанностях императора, а именно что